

Б. Улановская, Е. Джусоева

**НЕИЗВЕСТНЫЕ ПИСЬМА Н. СПЕШНЕВА
(Спешнев в жизни и творчестве Достоевского)**

Вступительная заметка проф. Б. Ф. Егорова

В течение полувека после новаторских исследований Л.П.Гроссмана 1920-х гг. на тему «Спешнев и Ставрогин», повторенных и «санкционированных» В.Р.Лейкиной–Свирской, публикации одного письма Б.П.Козьминым в 1930 г. и, много позднее, в 1953 г., публикации М.Я.Поляковым интересных философских писем Спешнева — о загадочном петрашевце и сложном друге Достоевского не было сделано открытий.

Новую ступень следует датировать серединой 1970-х гг. Тогдашняя сотрудница питерского Музея Ф.М.Достоевского Б.Ю.Улановская в результате научных командировок в Сибирь (Омск, Тобольск, Семипалатинск, Иркутск, Чита, Нерчинск, Минусинск), наряду с другими ценными находками, обнаружила в 1975 г. в Иркутске комплект писем Спешнева и его близких, раскрывающих много новых психологических черт революционера и много новых фактов. Как выяснилось, эти документы были подарены Иркутскому областному архиву в 1962 г. московским Центральным гос. архивом литературы и искусства.

В докладе (в соавторстве со знатоком французского языка Е.Н.Джусоевой), прочитанном 12 ноября 1976 г. на конференции «Достоевский и мировая культура» в музее писателя в Ленинграде, Б.Ю.Улановская подробно охарактеризовала свою иркутскую находку. Ею живо заинтересовалась известная исследовательница дела петрашевцев В.Р.Лейкина–Свирская, которая попросила иркутян скопировать для нее письма и опубликовала обзорную статью «Петрашевец Н.А.Спешнев в свете новых материалов» («История СССР». 1978. № 4), в которой, к сожалению, не было указано имя Б.Ю.Улановской и даже без всяких оговорок отмечалось: «Новые материалы <...> мы обнаружили в семейном архиве...» (С. 128).

22 мая 1996 г. Б.Ю.Улановская в соавторстве с В.И.Новоселовым прочитала на ставшей уже традиционной конференции «Достоевский и мировая культура» еще один доклад «„У меня есть свой Мефистофель“. Николай Спешнев в творческом сознании Достоевского», где также опиралась на иркутские материалы. Доклад Б.Ю.Улановской вызвал большой интерес у Л.И.Сараскиной. Последняя недавно выпустила монографию «Николай Спешнев.

Несбывшаяся судьба» (М., 2000), в приложении к которой полностью опубликовала материалы семейной переписки Спешневых из иркутского архива, но, увы, тоже без ссылок на доклады Б. Ю. Улановской, а с указанием на обзорную статью Лейкиной–Свирской, тем самым фактически закрепляя приоритет открытия за последней.

Жаль, конечно, что первооткрывательница до сих пор не опубликовала свой доклад 1976 г., но — лучше поздно, чем никогда: он предлагается ныне читателю как творческий труд и как исторический документ.

Яркое впечатление от незаурядной личности Н. Спешнева глубоко проникло в творческое сознание Достоевского, явившись для него одним из источников художественных исследований человеческого духа.

Судьба свела Достоевского со Спешневым в 1847 г. на одной из «пятниц» М. В. Петрашевского.

О Спешневе в кругу петрашевцев было известно немного: знали его как человека широко образованного, придерживающегося социалистических (а может, даже и коммунистических) убеждений. Передавали неопределенные сведения о жизни Спешнева за границей, куда он увез чужую жену.

Некоторая странность Спешнева в общении с посетителями «пятниц» вызывала недоумение. Немногословный, он всегда держался особняком, и если предпринимались попытки втянуть его в разговор, то он как бы снисходил до него. Собеседник невольно ощущал некую дистанцию, которую Спешнев не склонен был разрушать.

Таким Спешнев и остался в памяти современников: холодным, неприступным, загадочным, даже несколько таинственным.

Правда, нельзя сказать, что современники не пытались как-то объяснить его характер.

Петрашевский, например, прибегая к теории Фурье о человеческих страстях, находил у Спешнева «больное самолюбие»¹.

Бакунин, при всем уважении к Спешневу как человеку умному, образованному, отмечая его «спокойную силу», характеризуя как «джентельмена с ног до головы», считал, что в эффектной неотразимости Спешнева есть доля «маленького шарлатанства»².

Семенов–Тянь–Шанский, имея в виду смерть возлюбленной Спешнева, утверждал, что «жизненная драма наложила на Спешнева неизгладимый отпечаток» и поэтому он «обрек себя на служение» человечеству³.

¹ Буташевич–Петрашевский М. В. набросок речи на обеде в честь Фурье // Дело петрашевцев: В трех томах. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 519–520. Хотя в речи Петрашевского имя Спешнева не названо, присутствовавшие на этом обеде прекрасно понимали, что она содержит полемику со Спешневым. См. об этом: Дело петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 3. С. 57.

² Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева, 1896. С. 46.

³ Семенов–Тянь–Шанский П. П. Мемуары. Т. 1: Детство и юность (1827–1855). Пгр., 1917. С. 198.

На фоне таких и схожих с ними точек зрения, выразивших позицию стороннего наблюдателя, иначе выглядят высказывания тех лет Достоевского о Спешневе, которые приводит в своих воспоминаниях С. Д. Яновский. Они донесли до нас напряженную атмосферу личных отношений Достоевского и Спешнева, сложное чувство притяжения и отталкивания, которое владело писателем.

Среди посещавших «пятницы» Достоевский сразу же выделил Спешнева, чутьем художника, разгадывавшего «тайну» человека, постигнув нечто исключительное в его духовной природе. Сперва он отнесся к нему настороженно, ощутив в душе некую угрозу для себя. «Я его мало знаю, да, по правде, и не желаю ближе с ним сходиться, так как этот барин чересчур силен и не чета Петрашевскому»⁴, — говорил Достоевский о Спешневе.

Однако спустя некоторое время он все-таки испытал на себе эту подчиняющую духовную силу Спешнева. Видимо, не без внутреннего сопротивления Достоевский все больше и больше поддается его влиянию, в какой-то момент даже вообразив Спешнева «своим Мефистофелем»⁵. Достоевский посещает Спешнева в его доме на Кирочной, и чаще всего получается так, что они беседуют наедине.

Автор «Белых ночей», неудовлетворенный чрезмерно разросшейся внутренней жизнью и испытывающий тоску по жизни, насыщенной яркой событийностью, очарованный гуманистическими идеалами утопического социализма, сталкивается с человеком, который свои революционные убеждения готов применить на практике.

В свою очередь Спешнев ищет людей пылких, способных настолько увлечься идеей, чтобы от бесплодных споров о социалистических системах перейти к революционному действию. Эмоциональный настрой души Достоевского как нельзя более соответствовал этим целям.

Однако, вовлеченный Спешневым в его замыслы, писатель не мог не видеть их определенной моральной ущербности. Нравственно неприемлемы были для Достоевского некоторые из тех задач, которые Спешнев ставил перед нелегальной пропагандой: используя «без всякого стыда и совести» «изустное слово», наряду с «социализмом» распространять в обществе «атеизм» и «терроризм»⁶. Не мог Достоевский разделять взглядов Спешнева и на иные способы революционного действия, особенно «иезуитский», отдающий политическим авантюризмом. Все это, а также потеря независимости, вносило разлад в душу Достоевского.

Близко знавшим Достоевского не составило труда заметить, что в нем произошла перемена: его обычная мнительность и раздражительность значительно возросли⁷. Возможно, и сам писатель отчасти имел в виду

⁴ Яновский С. Д. Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников: В двух томах. М., 1964. Т. 1. С. 172.

⁵ Там же.

⁶ Петрашевцы. Сборник материалов: В трех томах. М.; Л., 1928. Т. 3. С. 63.

⁷ См.: Яновский С. Д. Указ. соч. С. 172–173.

указанное обстоятельство, вспоминая об этом периоде своей жизни: «Перед тем (перед арестом в апреле 1849 г. — Б. У., Е. Д.) я был два года сряду болен, болезнью странною, нравственною»⁸.

В первые месяцы заключения в Петропавловской крепости болезненное состояние духа его не оставляет. К июлю, когда основной допрос Достоевского закончился, он получил возможность сочинять. Достоевский пишет рассказ «Маленький герой», в котором все тяготившее его душу изживается. Рассказ автобиографичен, но не в обычном смысле этого слова. Узник Алексеевского рavelина заново переживал светлое чувство самоотверженного порыва в героических приключениях маленького рыцаря, защищал чистоту юношеского романтизма, чуждого, по его убеждению, каким-либо расчетам и интригам. Позднее Достоевский вспоминал о тех светлых минутах освобождения, которые он пережил в связи с этим рассказом⁹.

Достоевский не отрекался от идеалов утопического социализма, но все призрачнее для него становилась обольстительная власть спешневской мысли, вносящей в святое дело служения человечеству искажающие его акценты.

Последнее известное нам развернутое слово Достоевского о Спешневе относится к 1854 г. (письмо брату М. М. Достоевскому из Омска). «Спешнев в Иркутской губернии приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека. Где и как он не явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же благоговением и уважением»¹⁰. Это высказывание выдержано в спокойном тоне, в нем нет прежнего смятения, угадывается желание осмыслить обольстительную власть личности Спешнева. Это стремление Достоевский осуществит в своем творчестве.

Известный исследователь творчества Достоевского Л. П. Гроссман в докладе, прочитанном в 1923 г., и затем в статье «Спешнев и Ставрогин», выдвинул гипотезу, согласно которой прототипом главного героя «Бесов» Николая Ставрогина является Спешнев. Сравнивая Спешнева и Ставрогина, Л. Гроссман старается отыскать общность биографических данных и внешних характеристик. Этот метод приводит исследователя к тому, что черты Ставрогина он переносит на Спешнева. Так, разговоры о Ставрогине, слухи «о зверском поступке с одною дамою хорошего общества» накладываются им на сплетни о якобы отравившейся из ревности возлюбленной Спешнева (о чем сообщает Бакунин, кстати, с чужих слов). Холодность и молчаливость Спешнева истолковывается Л. Гроссманом в духе ставрогинского демонизма¹¹.

⁸ Достоевский Ф. М. Письма / Под ред. и с примеч. А. С. Долинина. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 178 (письмо Э. И. Тотлебену от 24 марта 1856).

⁹ Соловьев В. С. Воспоминания о Ф. М. Достоевском. // В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 199.

¹⁰ Достоевский Ф. М. Письма. Т. 1. С. 140 (письмо от 22 февраля 1854 года).

¹¹ Гроссман Л. Спешнев и Ставрогин // Каторга и ссылка. 1924. № 4. С. 130–136.

Вслед за Л. Гроссманом историк движения петрашевцев В. Р. Лейкина также утверждает, что Спешнев послужил прототипом Ставрогина. Спешневский «ореол славы»¹², о котором говорил Гроссман, превращается у В. Лейкиной в «ореол какой-то тайны»¹³. Исследовательница загадочность характера Ставрогина объясняет таинственностью Спешнева, механически перенесенной Достоевским в роман.

Откуда же взялся этот почти оперный Спешнев?

Хроникер в романе «Бесы», от лица которого ведется повествование, сообщает, что губернские дамы были «без ума» от Ставрогина, их «особенно прельщало, что на душе его есть, может быть, какая-нибудь роковая тайна» (10; 37). Таким образом, использование исследователями для сравнения чисто внешних характеристик привело их к тому, что Спешнев оказался подмененным Ставрогиным в представлении губернских дам.

Достоевский знал другого Спешнева. Личный опыт общения, интуиция художника позволили Достоевскому глубже, чем кому бы то ни было из современников, постичь характер Спешнева. Писатель стремился понять внутренние побуждения, которые определяли манеру поведения Спешнева. Эти наблюдения дали писателю богатый материал, который он творчески осмыслил. Насколько верно удалось Достоевскому угадать некоторые существенные особенности внутреннего мира Спешнева — об этом еще пойдет речь.

Скудость биографических сведений, удивительное однообразие характеристик (обыгрывающих две-три его черты), данных Спешневу современниками, утрата его следственного дела, наличие в опубликованном эпистолярном наследии всего лишь одного письма (письмо Спешнева-лицеиста) — все это позволяло лишь в малой степени удовлетворить законный интерес к этому человеку. Обнаруженные нами (Б. Улановской) в 1975 году новые материалы уточняют факты биографии Николая Александровича Спешнева и проясняют его духовный облик.

Главной удачей находки являются, конечно, письма самого Спешнева, детские из пансиона Журдана, лицейские, письма университетского периода его жизни и из-за границы, короткие записки матери из Петропавловской крепости, письма из Сибири (кроме этих писем известный интерес представляет переписка родителей Спешнева между собой и с другими лицами). Важное значение также имеют найденные Статейные списки о преступниках, отправленных в Нерчинский горный завод (1850–1853), в которых, в частности, приводится подробный словесный портрет Н. Спешнева.

На первый взгляд письма Спешнева не оправдывают того ожидания, с которым к ним обращаешься. В них не встретишь имен петрашевцев, которые хотелось бы увидеть, нет прямых указаний на события 1846–1849 г., связанные с этими именами. Но в них есть иное, не менее важное — в них мы слышим живое слово Николая Спешнева.

¹² Там же. С. 135.

¹³ Лейкина В. Петрашевец Н. А. Спешнев (к 75-летию дела петрашевцев) // Бюл. 1924. № 25. С. 24.

В некоторых письмах содержится развернутая авторская самооценка. Интересно, что к ней Спешнев прибегает лишь в тех случаях, когда возникают острые конфликтные ситуации и он вынужден обратиться к такого рода самохарактеристике как аргументу в пользу своей правоты. Один из таких конфликтов, в результате которого Спешнев вынужден был уйти из Царскосельского лицея, не окончив его, нашел свое отражение в ряде лицейских писем.

В октябре 1838 г. отец Спешнева, получив нелестные отзывы лицейского начальства о сыне, сообщает ему об этом. В своем пространном ответе от 22–24 октября 1838 г. из Царского Села Спешнев объясняет отцу причины, из-за которых возникло, по его мнению, недоразумение.

Первое, что бросается в глаза, это настолько проясненное авторское самосознание, что все акценты в письме проставлены с резкой определенностью. Отсюда и тон письма, исполненный достоинства, уверенности в себе, в чем-то даже снисходительный к адресату. «Пять лет прошло с тех пор, как вы выпустили меня из-под вашего крыла — пять лет шутка сказать! Я в это время возмужал, вырос; — вы меня знали дитятей, теперь я другое, теперь мой ум развился, родилось чувство, раскрылась воля — я человек и кладя руку на сердце, на совесть, я без всякого ложного стыда скажу — я хороший человек»¹⁴.

Спешнев хочет дать понять, что при оценке его поступков прежде всего следует полагаться на свидетельства его совести, игнорируя мнения окружающих, хотя бы это было мнение инспектора лицея. Надо сказать, что мать, Анну Сергеевну, Спешнев в этом убедил. Она полностью берет его сторону. В своем письме к мужу, которого, видимо, привел в замешательство категорический тон лицеиста, она защищает сына. «Опять тебе повторю что Николенька наш достоин всех наших попечений обожаний и любви к нему <...> эти фразы, тобою выписанные — совсем не относились к нам, напротив, он никогда не был так почтителен, ласков и откровенен как этот раз...»¹⁵.

При всем такте, с которым написано письмо лицеиста, отчетливо видно желание Спешнева поставить отца перед фактом незаурядности своей натуры, фактом, которым опровергается, по мнению Спешнева, взгляд лицейского начальства на него как на инициатора лицейских беспорядков.

«<...> я жил в другом мире, я жил рознь от моих товарищей <...>. А кругом меня шли мелочи нашей жизни, кругом меня <...> все ссорились, враждовали <...> эти споры ежедневные мешали мне в моих

¹⁴ Н.А.Спешнев о себе самом / С предисловием Б.Козьмина // Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 95 (Как сообщает Б.Козьмин, это письмо было доставлено в редакцию журнала внучкой Н.А.Спешнева Надеждой Алексеевной Спешневой. Публикуя этот интересный документ, Б.Козьмин справедливо отмечал важность письма для характеристики Спешнева. В дальнейшем оно не привлекалось исследователями).

¹⁵ Государственный архив Иркутской области (далее: ГАИО), ф. 777, оп. 1, д. 18, № 15, л. 1. — Стиль писем, их орфография и пунктуация оставлены без изменений, за исключением исправления явных опечаток.

занятиях <...> я встал, стал говорить со всеми, заставил всех любить себя и после двинул решительно, сломил все партии и помирил <...> и я не мог не сознаться, что я имею влияние на всех, даже на самых умных. Виноват ли я в этом? Начальство, т.е. инспектор, который у нас второй Ришелье, с удивлением увидал меня на верху всего <...>. От меня стали требовать, чтобы я ходил советоваться с начальством обо всем, что думаю, ставили в вину, что я не поддаюсь этому, стали грозить — и тогда я сказал прямо, что на меня не угрозами, а убеждением можно взять что-нибудь <...>. Я все молчал скрепя сердце — и удивляюсь как у меня достало довольно твердости перенести тогда это все»¹⁶.

Спешнев, понимая, что его независимая позиция воспринимается как вызов, однако не предполагал, к каким последствиям для него это может привести. Лучшие времена царскосельского лицея («золотого века») давно миновали. Порядки николаевского царствования проникли и в стены лицея. Жизнь лицеистов находилась под строжайшим надзором. Им запрещалось хранить у себя бумаги и книги, все это надлежало оставлять в классных комнатах на особой полке, что давало возможность инспектору лицея А. Ф. Оболенскому их беспрепятственно просматривать. Постоянной слежкой за лицеистами Оболенский вызывал к себе всеобщую неприязнь¹⁷.

В такой атмосфере неизбежны были конфликты, «истории», как их называли лицеисты. Спешнев мог в любой момент, сам того не желая, быть замешанным в подобную «историю». Это и случилось в марте 1839 г., незадолго до выпускных экзаменов. Дело зашло так далеко, что Спешнев вынужден был выйти из лицея, не закончив курса.

21 марта 1839 г. уже из Петербурга Спешнев успокаивает отца: «Мой дорогой папа, не беспокойтесь о том, что у меня неприятности от несправедливостей в лицее. Не увеличивайте этим наше горе Моя совесть спокойна, так как я не виновен, а значит не беспокойтесь и Вы тоже...»¹⁸.

Нам уже знаком этот ход спешневской мысли: сознание моральной правоты, удостоверенное его собственной совестью, должно быть достаточным основанием, чтобы отвергнуть любые обвинения. В письме от 17 апреля 1839 г. он сообщает отцу подробности. «<...> я сейчас Вам поведаю о них с тем большим хладнокровием, что я был всего лишь зрителем во всем том деле, которое произошло.

<...> Эта история должна была быть направлена против одного из наших гувернеров — некоего Коха <...> этот человек умеет возбудить против себя такую всеобщую антипатию, такое неуважение, что даже трудно себе это представить <...> зная обстоятельства, в которых я находился, я попытался заставить их отказаться от их замысла, сказав им,

¹⁶ Каторга и ссылка. 1930. № 1. С. 95–96.

¹⁷ См.: Яхонтов А. Н. Воспоминания царскосельского лицеиста. 1832–1838 гг. // Русская старина. 1888. Т. 60. С. 101–124.

¹⁸ ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 7, № 9, л. 14 (подлинник на франц.). Здесь и далее перевод писем с французского осуществлен Е. Н. Джусоевой.

что меня сделают виновным во всем, потому что, скажет Оболенский, своим влиянием Вы могли бы все остановить. Они ответили мне, что больше не могут сдерживаться, но, для того чтобы я не оказался виноватым, „они мне запрещают принимать какое бы то ни было участие в предстоящей истории“ <...>»

«Брожение умов» достигло своего «предела». Спешнев все же пытается остановить товарищей, «воздействуя на их самолюбие, говоря им, что Кох не достоин истории».

Далее все обернулось так, как и предвидел Спешнев. Кох «обратился ко мне в резком тоне, утверждая, что я все начал, что я за все отвечу и тому подобное, и тогда я не сдержался больше и сказал ему, что если у него хватает дерзости утверждать заведомо ложные вещи, то я отправляюсь жаловаться на него директору <...>. Я рассказал директору, как Кох несправедливо обвинил меня и, пылая негодованием, я сказал ему тогда, как я это говорю теперь, что я могу принести формальную клятву перед образами и на Евангелии, что в этой последней истории я не играл никакой роли и что я был в стороне! А этот человек не захотел мне поверить после этого — он скорее поверил рапорту, написанному рукою Коха...»¹⁹.

Лицейская жизнь преподавала Спешневу урок, который утверждал его в мысли оградить свой внутренний мир, интерес к которому со стороны лицейского начальства имел специфический характер («<...> я не имел охоты открывать своей души всем и каждому, заметив особенно, — que j'étais espionné...»²⁰). После «истории», завершившейся для него столь драматически, Спешнев окончательно убедился, насколько лицемерен призыв к нему быть искренним: рапорт ценится выше, чем голос совести и клятва на Евангелии.

Спешнев выглядит замкнутым и недоступным, и это не поза. Замкнутость рождается от сознания возвышенности своей внутренней жизни, ее нравственной исключительности и принципиальной непроницаемости для стороннего взгляда. Это вызывало недоумение и даже казалось подозрительным. Инспектор Оболенский прямо говорил Спешневу: «<...> вы человек странный, ходите всегда мрачным, непонятным, как будто человек, который развивает планы, и планы революционные...»²¹.

Таким образом, загадочность, которую по-разному истолковывали современники, Спешнев приобрел еще в лицейские годы. Тогда же, как мы видим, были предприняты первые попытки проникнуть за «завесу таинственности», попытки неудачные.

Отстаивая свою позицию «зрителя», созерцателя «брожения умов», Спешнев находит незавидной роль главы «маленького бунта». Мысль о призвании к осуществлению каких-то высоких целей не оставляет его.

¹⁹ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 7, № 10, лл. 15–1806 (подлинник на франц.).

²⁰ что за мной шпионят (франц.)

²⁰ Каторга и ссылка, 1930, № 1, С. 96.

²¹ Там же.

И неслучайно, отмечая свои «умственные способности», твердость характера, влияние на окружающих, Спешнев прилагает к ним исторический масштаб: «В каждом обществе, каково бы оно ни было, есть своя глава, свой центр, около которого становится свое общество»²².

Весной 1839 г. планы Спешнева были вполне определенными — «пойти на год в Университет и через год держать экзамен на кандидата»²³. Приступив к интенсивным занятиям в петербургском университете (вольнослушателем), изучая восточные языки, Спешнев проявит твердость характера; подчинившись «железной необходимости», он не позволит себе увлечься даже «горячим чувством», призывавшим его разделить радость семьи по случаю свадьбы сестры Надежды, и не поедет в Курское имение²⁴.

Однако наступает весна 1840 г. — и Спешнев решительно разрушает свои планы. Страстно полюбив Анну Савельеву (жену брата своего лицейского товарища), он предлагает ей бежать, и она, отвечая Спешневу взаимностью, готова последовать за ним. Четыре года совместной жизни сперва в Финляндии, а затем за границей заканчиваются трагически: в 1844 году Анна умирает.

Письма Спешнева, связанные с этим периодом его жизни, имеют определенное значение в качестве биографического источника. Но еще большую ценность они приобретают тем, что в них Спешнев обнаруживает неизвестные еще нам черты характера, впрочем, органичные его богатой натуре. В первую очередь это относится к январскому письму 1841 г., в котором он впервые с весны 1840 г. объясняется с матерью.

«Дорогая мама — Я хочу поговорить с Вами откровенно — я обещал Вам это — я это должен.

Если я не был откровенным до сих пор, то лишь потому, что видел — Вам не особенно хотелось бы того, чего я так сильно хочу — простите — это всегда было в моей натуре быть сдержанным со всеми, кто хочет не того, чего я — это часто недостаток, иногда — ошибка. Приступаю к вопросу откровенно и сразу.

Не нужно скрыгничать — все вертеться вокруг одного — Есть женщина которую я люблю — должен или не должен я жениться на ней? Нужно ли это? Да или нет? Вот и все — все остальное связано только с этим. Что касается меня, то я этого хочу.

Я люблю эту женщину — я ее очень люблю — это не минутное увлечение — что бы ни говорили — я не способен по своему характеру на мимолетные страсти — вот уже около двух лет, что я ее знаю, около двух лет, что я ее люблю все сильнее — я был разлучен с нею и продолжал ее любить <...>

Я говорю совершенно хладнокровно, я сужу настолько хладнокровно, насколько возможно, — я все рассудил очень давно — в продолжение

²² Там же, С. 95.

²³ ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 7, № 10, л. 20–20 об. (подлинник на франц.).

²⁴ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 4, № 13, лл. 7–8 об.

двух недель, прежде чем предложить ей бежать со мною, я обдумывал это и так и сяк. — С этого момента мое решение было принято — Я избрал эту женщину на всю жизнь...

Ничто не выказывает в этом моей опрометчивости — все что Вы мне сказали — все что сказали или смогут сказать другие — я все обдумал сам, я ответил на все <...>

Нет, я не бросаюсь в дело очертя голову — нет — я 5 месяцев принимал решение — я все взвесил — я пришел к двум возможным заключениям — убийству С<авелье>ва — или похищению его жены — я все-таки медлил — думал, обстоятельства уладятся, но когда настал момент остановиться, я увидел, что нужно решаться на то или другое — некоторое время убийство было моей навязчивой идеей — я возблагодарил Бога, когда нашел предлог для дуэли с ним — но это сорвалось — я вернулся к мысли об убийстве — видите, я не боюсь это сказать — потом рассудив, что оно опаснее увоза, остановился на последнем — я сам его предложил, сам его потребовал, сам его исполнил.

<...> Я предусматривал возможность нашего задержания — <...>

<...> я думал, что всем рискую — и все-таки не поколебался — потому что это было сильнее меня — когда я чуть не терял ее. <...>

Одним словом, поскольку — на мое счастье — я ее знаю уже два года — я клянусь, что мне нужна именно такая жена, как она, такая мать, как Вы, и такой друг, как Энгельсон²⁵. — Помимо моего счастья мне нужна слава, наука и поэзия²⁶.

Еще в лицее Спешнев обрел идеал свободной личности, высокое предназначение которой позволяло ему относиться свысока к обыденной жизни лицеистов. В новой ситуации он также сохраняет верность этому идеалу: в соответствии с ним Спешнев отмечает несущественное в собственном характере. Спешнев внушает матери, что такой человек, как он, не может опуститься до банальной истории. Не минутным увлечением было продиктовано предложение бежать, а решением самой судьбы — на меньшее Спешнев не согласен.

Единственным судьей в этом деле Спешнев полагает себя. Авторитетный голос собственной совести лишает для него всякого значения доводы житейского благоразумия, моральные соображения. Более того, уверенный в своей правоте, Спешнев готов сокрушить любые препятствия, стоящие на пути к его счастью.

Знаменательно, что любовь не подчиняет себе Спешнева целиком и полностью. В ней, считает Спешнев, воплощается лишь часть высоких устремлений, заложенных в его природе.

Как ни в одном другом, в этом письме проясняется лик автора, гордого, убежденного в нравственной правоте любых своих действий и поступков, при условии что он сам их себе разрешает.

²⁵ Владимир Аристович Энгельсон (1821—1857), друг Н.А. Спешнева с лицейских лет. Об Энгельсоне см. в «Былом и думах» А.И. Герцена главу «Энгельсоны».

²⁶ ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 1, № 30, лл. 11–12 об. (подлинник на франц.). В архиве имеется перевод этого письма на русский язык.

Письма Спешнева из-за границы дают представление о безвыходности ситуации, в которой оказались Спешнев и его возлюбленная. Спешнев прилагал все усилия, чтобы добиться от Савельева согласия на развод, однако дело затягивалось. Особенно страдала от двусмысленного положения Анна. Обоих также беспокоило будущее их детей, Николая и Алексея, которые считались незаконнорожденными.

В 1844 г. Анна умирает. Катастрофа не прошла для Спешнева бесследно, хотя и не привела к душевному разладу. «Я слава Богу здоров — у меня железное здоровье и железная душа»²⁷, — пишет он матери в августе 1844 г. уже из Петербурга. Однако твердость духа не означает бесчувственности. Ощущение какой-то вины присутствует в полупризнаниях Спешнева матери. «Много поучений вынес я из тех ночей которые я провел над телом моей бедной мученицы — я выучился любить Вас, и вообще всех кого люблю более умною любовью. Я не знаю почему но мне кажется что моя любовь к Вам удесятирилась теперь»²⁸.

В 1840 г. с гордой непреклонностью решая свою судьбу и судьбу близкого человека, Спешнев считал себя непогрешимым перед собственной совестью. Но он не предвидел, что те жизненные преграды, которые способна была преодолеть его непоколебимая воля, окажутся не под силу Анне. И теперь, после ее смерти, почувствовал, что, хотя по-прежнему волен никому не давать отчета в своих действиях, в то же время не свободен от того, что зовется моральной ответственностью. Такие же чувства придется испытать Спешневу, когда он, наряду с другими петрашевцами, предстанет перед следственной комиссией. Это случится через пять лет.

В 1845 г. еще с лицейских лет вдохновлявшая Спешнева идея собственного избранничества окончательно для него проясняется. В начале года он сообщает матери из Дрездена: «Я ужасно занимаюсь — так прилежно как еще никогда»²⁹. Именно в это время Спешнев усиленно изучает деятельность тайных обществ на всем протяжении человеческой истории. Его интерес к тайным обществам преследует вполне конкретную цель — применить их принципы на деле в условиях тогдашней России. В это же время составляется Спешневым «Проект обязательной подписки для членов тайного общества», которое строится строго иерархически, причем члены общества обязаны подчиняться Распорядительному комитету. Можно с достаточной степенью уверенности предполагать, что среди неперенных членов Распорядительного комитета, если не главой его, в первую очередь Спешнев мыслил, конечно, себя.

В конце 1845 г. Спешнев подводит итог не только своим занятиям, но и своего рода жизненный итог (письмо матери от 19/31 декабря из Дрездена). «...Бедовый год — нет занимательный год, этот год я никогда не забуду — все что в моей молодости так прекрасно обещало развернуться во мне — все это в этом году получило свою положительную

²⁷ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 5, № 38, л. 12 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 5, № 42, л. 26.

печать — теперь интрига завязана — актеры на сцене — теперь каждый шаг вперед — два к развязке <...>

Худая вещь жизнь человеческая — покамест не дойдешь до глубины философии до которой я дошел. Теперь я так спокоен как никогда не был в жизни — жизнь не лежит передо мной загадкой — теперь я знаю на что я живу — что я хочу — как надо сделать что я хочу — сколько на то надо примерно времени — а посреди моей работы — дунет ветер и унесет меня прежде чем я кончил — ну Бог с ней с жизнью — не стоит она сама по себе и минуты жалости. Аминь»³⁰.

Искания юности остались в прошлом. Реальная действительность философски осмыслена, приобрела резкие очертания и не дает Спешневу сомневаться в правильности избранного жизненного пути. Наоборот, она требует практического применения теоретических выводов. Роль «зрителя», которая удовлетворяла Спешнева в лицее, можно оставить, с тем только, чтобы взять новую роль, не меньшую, чем распорядителя судьбами человеческими. С презрением Спешнев отзывается о возможной трагической «развязке», которая не исключена при столкновении с сильным, могущественным врагом. Сама по себе личность, по мнению Спешнева, не является ценностью. Значение и смысл она обретает лишь в том случае, если через нее осуществляется нечто великое, к чему она избрана и предназначена.

«Развязка» наступила в апреле 1849 г., когда петрашевцы были арестованы. Спешнев рассматривался Следственной комиссией как особо опасный преступник, так как в его бумагах был найден «Проект обязательной подписки для членов тайного общества», написанный в 1845 г.

О позиции, занятой Спешневым на следствии, трудно утверждать что-либо с полной уверенностью, так как дело его до сих пор не найдено. Однако, судя по докладу генерал-аудиториата, до определенного момента он полностью выдержал свой характер. На вопросы он отвечал как бы нехотя, причем не прибегал к обширным историко-философским отступлениям с целью объяснить происхождение своих взглядов, как это делало большинство петрашевцев, не обвинял Следственную комиссию в нарушении уголовного законодательства, как Петрашевский.

Касаясь отношения к петрашевцам, Спешнев указывает на свое независимое положение среди них, людей, по его мнению, «грубоватых и необразованных»³¹, иные из которых навязывали ему свое общество. Спешнев равнодушно выслушивает угрозы Следственной комиссии и безразличен к тому, что его ожидает.

Следственная комиссия не поверила тому, что Спешнев написал «Проект подписки» несколько лет назад и не пустил его в ход, и требовала новых признаний. Ему дали понять, что в случае непризнания его ожидает расстрел. Можно было бы предположить, что и новую угрозу

³⁰ Там же, ф. 777, оп. 1, д. 5, № 43, л. 27–27 об.

³¹ Доклад генерал-аудиториата о дворянине Николае Спешневе // Петрашевцы. Т. 3. С. 51.

Спешнев воспримет однозначно — его сильная воля преодолела бы и это, последнее в жизни препятствие. Но вышло иначе: Спешнев рассказал о существовании кружков, о которых Следственная комиссия еще не знала. Правда, он постарался изобразить дело в самом невинном свете, сведя их деятельность к пустым разговорам и литературно-музыкальным вечерам. Характерно, как Спешнев объяснил, почему до сих пор умалчивал об этих кружках: он руководствовался не солидарностью с товарищами по несчастью, а «некоторой жалостью к людям, с которыми он ничем не связан, ни даже каким-либо обетом молчания»³².

Спешнев прямо указал причину своей откровенности: «<...> в виду своей несчастной матери и, может быть, других любимых особ, которым смерть его будет тоже смертью, он должен постараться оправдать несколько самого себя»³³.

На наш взгляд, Спешнев здесь искренен. Речь идет о той нравственной ответственности, тяжесть которой Спешнев испытал еще пять лет назад, после смерти Анны. Несомненно, и теперь он ощущал определенную вину перед детьми и матерью, особенно когда вспоминал о прошлом: пять лет материнского мучительного ожидания встречи с ним и горькие строки ее письма: «ты любишь меня, как любят умерших»³⁴.

Можно предположить, что душевная борьба Спешнева во время следствия была для него мучительной: с одной стороны, его смерть нанесла бы непоправимый удар матери и детям и потому он чувствовал вину перед ними; с другой — не в его натуре было поступать самостоятельно и подчиняться обстоятельствам, в том числе и морального порядка... Никто и ничто не могло бы принудить Спешнева — он сам заставил себя дать показания.

Спешнев, вынужденный смирить себя, был этим чрезвычайно унижен в своих глазах. Уязвлена была его гордость. Может быть, отчасти в этом причина происшедшей перемены во внешности Спешнева, которую заметили петрашевцы, доставленные на Семеновский плац.

Однако испытанное унижение не сломило Спешнева. «Я по-прежнему чувствую себя совсем хорошо, это одна из тех привычек, которую, я думаю, не утрачу никогда», — писал Спешнев матери 7 сентября 1849 г. в короткой записке из Петропавловской крепости³⁵.

Его дух оставался несокрушим.

В этом убедился Достоевский, который на эшафоте обратился к Спешневу со словами, в которых можно услышать не то отголосок неоконченного спора, не то вызов, а может быть, и призыв проникнуться тем религиозным чувством, которое испытывал Достоевский перед ожидаемой смертью, — и услышал ответ, исполненный непреклонности и духовной невозмутимости. Вот как об этом вспоминает

³² Там же, С. 56.

³³ Там же.

³⁴ Эти слова матери Спешнев приводит в письме к ней от 5/17 апреля 1846 г. из Дрездена. — ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 5, № 44, л. 31 об.

³⁵ ГАИО, ф. 777, оп. 1, д. 6, № 66, л. 3 (подлинник на франц.).

петрашевец Ф. Львов: «Достоевский был несколько восторжен, вспоминая „Последний день осужденного на смерть“ Виктора Гюго, и, подойдя к Спешневу, сказал: „Nous serons avec le Christ“. — „Un peu de poussière“», — отвечал тот с усмешкой»³⁶.

В начале 1860 г. на новоселье у Достоевского побывал только что приехавший в Петербург Спешнев.

Встреча, видимо, оживила в памяти Достоевского образ человека, имевшего когда-то на него значительное влияние. В этом же, 1860-м году творческое сознание писателя обретает своего нового героя.

Исследователи творчества Достоевского отмечали, что роман «Униженные и оскорбленные», который он начал писать в 1860 г., автобиографичен. Писатель использовал в романе воспоминания о своей литературной молодости (см.: 3; 522–523). Однако, на наш взгляд, этим Достоевский не ограничился. Одному из главных героев романа, князю Петру Александровичу Валковскому, писатель придал черты внешнего облика Николая Александровича Спешнева.

В «Статейных списках о преступниках, отправленных в Нерчинский горный завод (1850–1853)», обнаруженных нами, имеется описание внешности Спешнева.

«Росту 2 арш. 9 верш. (182 см. — Б. У., Е. Д.) лицо смуглое продолговатое, глаза серые, волосы темнорусые, нос продолговатый и остроконечный, усы и брови густые, вообще красивой наружности»³⁷, — заключает наблюдательный чиновник.

Сравним это описание с описанием князя Валковского, приводимым профессиональным литератором Иваном Петровичем: «Это был человек лет сорока пяти, не больше, с правильными и чрезвычайно красивыми чертами лица <...> Правильный овал лица несколько смуглого <...> прямой, несколько продолговатый нос <...> серые, довольно большие глаза <...> Он был довольно высокого роста, сложен изящно, несколько худощаво и казался несравненно моложе своих лет (Спешневу в сентябре 1860 года исполнилось 39 лет. — Б. У., Е. Д.). Темнорусые мягкие волосы его почти еще и не начинали седеть» (3; 245).

Князь Валковский неслучайно наделен внешностью Спешнева — впервые в творчестве писателя появился герой, отрицающий общеобязательность моральных норм, принятых в обществе, и противопоставляющий им самозаконодательство личности³⁸.

³⁶ «Мы будем с Христом» — «Горстью праха» (франц.)

³⁶ Записка о деле петрашевцев. Рукопись Ф.Н.Львова с пометками М.В.Буташевича-Петрашевского / Публикация В.Р.Лейкиной-Свирской. // Литературное наследство. М., 1956. Т. 63, вып. III. С. 188.

³⁷ Об отправлении в Нерчинский горный завод для употребления в каторжную работу преступников: Спешнева, Григорьева, Буташевича-Петрашевского, Львова и Момбелли и пр. 1850–1853. — Читинский областной архив, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 14, лл. 71–72.

³⁸ В этом смысле существенное значение имели также «каторжные» наблюдения Достоевского. Анализу характера «сильных» личностей писатель отвел большое место на страницах «Записок из Мертвого дома».

В то же время крайний радикализм философствований героя романа составляет разительный контраст с пошлостью его внутреннего мира. В своих желаниях князь мелок, злобен и низок, и эти чувства, постоянно отражаясь на лице, искажают его красоту.

Достоевский, времени написания романа «Униженные и оскорбленные», только еще приступал к художественному постижению трагичности духовных поисков нового героя. Портретная характеристика Спешнева и некоторые элементы спешневского этического нигилизма использованы в романе лишь как знак открытого писателем психологического типа, который нуждался в более глубоком осмыслении.

Тем не менее этот своеобразный герой был вызван к литературной жизни Достоевским именно в романе «Униженные и оскорбленные».

Гордый характер, который живет по законам им самим для себя установленным, будет разрабатываться Достоевским в его романах. Интересно, что, создавая образы таких героев, Достоевский ни разу не упоминает Спешнева в качестве прототипа. Причина, как нам кажется, заключается в следующем.

Всем этим героям свойственна наружная красота, однако в ней есть нечто настораживающее внимательный взгляд, а подчас и неприятное. Дело в том, что они плохо владеют собой (в них нет, как говорит Достоевский, «самовладения»). Они не изящны ни в чувствах, ни в мыслях. Внутренний хаос или душевная опустошенность выдают их. К примеру, в Раскольникове сильно чувство возмущения «низостью» людей. Лица Свидригайлова и Ставрогина, представляющие собой застывшие маски, выражают предельный распад их личности³⁹.

Только Версиков в романе «Подросток» обладает красотой, которая не содержит в себе ничего отталкивающего. В качестве одного из прототипов героя Достоевским назван Спешнев (См.: 16; 259).

Насколько велик был интерес писателя к самовластному типу человека свидетельствует, в частности, намерение Достоевского проследить формирование такого характера героя в неосуществленном замысле «Жития великого грешника».

Достоевский изображает его как «ужасно много о себе думающего» уже с детства (9; 134). Само собой напрашивается сравнение со Спешневым-лицеистом.

Доминантой характера героя «Жития» является «вера непоколебимая в свой авторитет» (9; 127), которая знакома нам по лицейским письмам Спешнева.

И тот и другой ведут жизнь обособленную, и если Спешнев не снисходит до «мелочей» лицейской жизни, то и героя Достоевского уединяет «непомерная высота над всем» (9; 129).

³⁹ В.А.Туниманов, комментируя запись Достоевского (в черновиках к роману «Бесы») о Ставригине, которая подчеркивает властность Ставригина, соотносит ее с существенной особенностью поведения Спешнева. (см.: 12; 221) Однако, на наш взгляд, эта черта характеризует Ставригина предыстории романа, а в самом романе речь идет о развенчании героя.

Спешневу присуща смелая оценка своей исключительности. Не уступает ему в этом герой «Жития»: «чрезвычайная мысль: что он будущий человек необыкновенный, охватила им <так!> еще с детства» (9; 136).

Достоевский тонко подмечает отсутствие в сознании героя конкретных целей: «Он уверен, что он будет величайшим из людей. <...> При этом неопределенность формы будущего величия, что совершенно совпадает с молодостью» (9; 138–139). На пороге подобных открытий находится лицеист Спешнев.

Герой «Жития» сознает разрушительный характер некоторых своих желаний. Спешнев, отстаивая свое право на счастье, готов на решительный шаг, вплоть до убийства.

Однако между Спешневым и героем «Жития» есть существенное отличие: характер Спешнева уже в лицейские годы обрел законченную форму: Спешнев замкнут и сдержан. Герой Достоевского только мечтает о самообладании, слишком порывист. Но дело, конечно, не в самом герое, а в том, что Достоевский еще не закончил художественную разработку данного типа.

Создавая образ Версилова (роман «Подросток»), Достоевский вначале хотел наделить его «необузданной натурой». Однако с октября 1874 г. в записях, характеризующих Версилова, появляется нечто новое, указывающее, как нам кажется, на сознательную ориентацию писателя на Спешнева.

Подросток старается понять, что таят в себе «замкнутость, гордость, загадочность» Версилова (16; 226). Отношение Версилова к этому желанию Подростка сдержанно: «ОН только отвечает чрезвычайно радушно на все вопросы Подростка, а сам прималчивает (Спешнев)» (16; 259).

Так появляются две известные черты Спешнева: предупредительность и молчаливость. Приведем для сравнения характеристику Спешнева из показаний на следствии петрашевца Н. А. Момбелли. «Он держал себя как-то таинственно, никогда не высказывал своих мнений, никогда не рассуждал, говорил только столько, сколько нужно, чтобы заставить других говорить, а сам только слушал <...>. Впрочем, он всегда был приветлив и у себя в доме внимателен к гостям, угодлив; но всегда холоден, ненарушимо спокоен, наружность его никогда не изменяла выражение»⁴⁰. Момбелли только фиксирует манеру поведения Спешнева. Достоевский раскрывает обуславливающие ее причины.

Внешний облик Версилова Достоевский объясняет такой существенной чертой его характера, как гордое возвышение своей личности: «Наружная выработка весьма изящна: видимое простодушие, ласковость, видимая терпимость, отсутствие чисто личной амбиции. А между тем все это из надменного взгляда на мир, из непостижимой вершины, на которую ОН сам самовластно поставил себя над миром. Сущность, например, та: меня не могут оскорбить, потому что они

⁴⁰ Дело петрашевцев. Т. 1. С. 325.

мышь» (16; 163–164). Достоевский подчеркивает абсолютную духовную независимость этого «гордеца и страшного сердцеведа», который «молча» упивается своей гордостью (16; 228).

Наружное благообразие героя, отмечает Достоевский, органически сочетается с его крайним властолюбием. «Деспот же до конца ногтей, настоящий деспот так высоко должен поставить себя, что относится (к людям. — *Б. У., Е. Д.*) уже елейно, без злобы, ибо мыши, кроты» (16; 181).

Достоевский рассматривает молчаливость героя, не ограничиваясь анализом его характера. Она универсализируется писателем, превращаясь в некую метафизическую категорию молчания, с помощью которой он объясняет механизм влияния на окружающих такого типа людей.

В романе Версиров вкладывает в понятие молчания психологический и философский смысл: «Молчать хорошо, безопасно и красиво — чего же более? <...> Молчание всегда красиво, и молчаливый всегда красив» (16; 283).

На ранней стадии работы над романом «Подросток» Достоевский уже задумывался над содержательной стороной такого психологического явления как молчание. Оно — знак всеведения, разрешения всех вопросов жизни и бытия (см.: 16; 104).

Молчание, таким образом, сигнализирует о чем-то уже достигнутом и бесспорном, о разрешении всех сомнений, в том числе нравственного порядка (вспомним спешневское: «жизнь не лежит передо мной загадкой»). Тайнственное молчание не только притягивает к себе людей, но и очаровывает. Оно успокаивает их совесть, которая перестает в этом случае исполнять свое прямое назначение распознавания добра и зла и подчиняется авторитету.

По всей вероятности, уже в 1854 г. Достоевский, говоря о влиянии Спешнева на «самых непроходимых» людей, задумывался над тайной подчинения авторитету⁴¹.

Возможно, и сам Спешнев был не так уж далек от похожего понимания секрета собственного влияния⁴².

⁴¹ В романе «Братья Карамазовы» проблема подчинения человеческой свободы авторитету будет решаться Достоевским с привлечением историко-философского материала.

⁴² Намек на это имеется в показаниях Спешнева следственной комиссии. См.: Петрашевцы. Т. 3. С. 60.